

извѣстіе о болѣзни Альфреда. Ни въ домѣ у Ульменгольца, ни въ семействѣ Сальдингеровъ никто не придавалъ вѣры самообвиненіямъ Альфреда, и всѣ приписывали ихъ временному умопомѣшательству. Одинъ только Бруно подозрѣвалъ истину. Эти подозрѣнія превратились въ увѣренность, когда онъ прочелъ прекрасное Ульменгольцемъ ужасное письмо Альфреда.

— Я съ тобой не говорилъ подробно о моихъ переговорахъ съ Пуммереромъ, — замѣтилъ Бруно, — но я догадался, что ты, уже будучи въ Лондонѣ, узналъ объ нихъ отъ Гермины. Я почему-то чувствовалъ, что ты узналъ объ условіяхъ моей дуэли съ Джемсомъ и для моего спасенія рѣшился на эту жертву...

— Я немедленно остановилъ процессъ противъ Ульменгольца, — продолжалъ Бруно. — Одно извѣстіе объ опасной болѣзни Гермины было достаточно, чтобы лишить меня способности и охоты заниматься какими бы то ни было дѣлами... 30-го іюня я получилъ послѣднюю роковую телеграмму...

— Постигшее меня несчастье, — снова заговорилъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія, — налагало на меня обязанность, которая была для меня даже своего рода утѣшеніемъ. Въ условіи, заключенномъ между мной и Джемсомъ, былъ пунктъ, который я считалъ совершенно безмысленнымъ три мѣсяца тому назадъ, когда условіе было заключено. Въ этомъ пунктѣ говорилось, что, если Гермина до 1-го іюля умретъ или выйдетъ замужъ за кого-нибудь кромѣ одного изъ насъ, все условіе теряетъ для насъ обязательную силу. Такимъ образомъ ея смерть спасла Джемса, и я немедленно сообщилъ ему объ этомъ. Я вполне понимаю, что молодому человѣку не хочется умирать, но я пришелъ въ ужасъ при видѣ бѣшеной радости, охватившей его, когда онъ узналъ о своемъ спасеніи. Грубое животное чувство самосохраненія вытѣснило у него всякую мысль о той, которая своей смертью возвратила ему право на жизнь! А между тѣмъ, — вѣдь онъ ее любилъ... Однако онъ немедленно пошелъ со мной къ банкиру и заставилъ его выплатить мнѣ всю сумму, которая слѣдовала Герминѣ. — Юридическая справедливость восторжествовала. Пусть кто можетъ найти въ этой мысли утѣшеніе...

Прошло еще нѣсколько дней, и Альфредъ совершенно выздоровѣлъ. Бруно возвратился домой и немедленно выслалъ ему изъ денегъ Гермины 1200 фунтовъ. Съ этими деньгами Альфредъ окончилъ то предпріятіе, для котораго онъ былъ посланъ въ Англію. Ульменголецъ былъ увѣренъ, что эти деньги не выхо-